

УДК 04.21.81

DOI 10.17223/1998863X/29/10

Н.П. Погодаев

ВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТОМСКА

Одним из главных условий адаптации студентов из Таджикистана в университетском пространстве Томска является хорошее владение русским языком. За четверть века после распада Советского Союза в языковой политике независимого Таджикистана произошли значительные перемены, отразившиеся на состоянии билингвизма в этой стране. В статье на основе индивидуальных глубинных интервью со студентами-таджиками, представителями таджикской диаспоры в Томске, преподавателями томских и московских университетов анализируется современное состояние владения русским языком студентами, приехавшими из Таджикистана. Обращается внимание на личностные, социальные и институциональные условия, способствующие или препятствующие хорошему освоению языка. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов и сохранением особенностей русского произношения. Владение языком рассматривается в контексте способности индивида к расшифровке культурных кодов принимающего сообщества. Высказывается мысль о том, что целями дискурса, складывающегося вокруг изучения русского языка мигрантами из Ближнего зарубежья, являются и стремление к реальному решению проблем, и некая имитация. Рассматриваются меры отдающего и принимающего сообществ – Таджикистана и университетов Томска, которые необходимы для хорошего овладения студентами из Таджикистана русским языком, как условия их успешной адаптации к культурной среде принимающего сообщества, использования их потенциала в различных сферах народного хозяйства двух стран и в межгосударственных проектах. В качестве методологической основы исследования используются работы Э. Гидденса, М. Беннетта, Дж. Уивера.

Ключевые слова: студенты, русский язык, образовательная миграция, Таджикистан, томские университеты, таджикская диаспора, принимающее сообщество, имитация.

В последние несколько лет в томских университетах стало увеличиваться количество студентов из Таджикистана. В образовательной миграции заинтересованы оба государства. Для Таджикистана это возможность ослабить давление роста населения на экономику самой бедной страны СНГ, подготовить специалистов более высокого качества, нежели это могут сделать таджикские вузы, укрепить взаимодействие с Россией в гуманитарной сфере. Для России – восполнение переживаемой демографической ямы, создание определенного баланса между малообразованными гастарбайтерами и их образованными соотечественниками, тактика «мягкой силы» в отношениях со стратегически важным центральнoазиатским партнером.

Язык – вершина айсберга культуры

Освоение русского языка студентами из Таджикистана анализируется в рамках проекта «Студенты – мигранты из Таджикистана в университетах Томска: образцы, практики и стратегии адаптации». Его основой являются материалы индивидуальных глубинных интервью, проведенных автором со студентами из Таджикистана, обучающимися в университетах Томска, с руководителями таджикской диаспоры в Томске и другими многочисленными субъектами данного процесса. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов и сохранением особенностей русского произношения. Особенности речи в ряде случаев выделены в тексте жирным шрифтом и подчёркиванием. Это позволяет показать характерные трудности во владении русским языком и студентов, недавно приехавших учиться в Россию, и таджиков, живущих в России много лет. Исследовательский проект реализуется в рамках мегагранта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности в истории и современности...».

Очевидная истина, что для студентов из Таджикистана, приехавших на обучение в Россию, владение русским языком является принципиально важным условием, не отменяет задачи изучения ныне существующей ситуации в этой сфере и отработки механизмов решения возникающих проблем. Метафору американского ученого Дж. Уивера о том, что встреча двух культур в процессе аккультурации подобна встрече айсбергов, у которых под относительно небольшой надводной частью скрыта огромная подводная [3], можно, видимо, использовать и для осмысления роли владения языком в процессе аккультурации. Степень владения языком, возможно, выступает некой «лакумусовой бумажкой» восприятия культуры принимающего сообщества в целом. Степень владения языком как сигнальной системой может свидетельствовать о способности конкретного индивида к расшифровке культурных кодов принимающего сообщества. В соответствии с гипотезой Сепира-Уорфа, наше видение мира во многом зависит от того, как мы говорим [27]. Э. Гидденс в работе «Устроение общества. Очерк теории структуризации» приводит результаты исследования речевого общения Бумера и Лавера, которые отмечают, что ««нормальная» речь не равнозначна речи «совершенной»». [6. С. 163]. Смысл услышанного воспринимается через особую «коррекцию слушания». Этот подход можно перенести и на вербальное общение с мигрантами, плохо владеющими языком принимающего сообщества. «Коррекция слушания» позволяет местному жителю понять общий смысл сказанного, хотя и не исключает потери некоторых коннотаций и прочих тонкостей речи собеседника. С одной стороны, это делает вербальное общение мигрантов с представителями принимающего сообщества возможными и на невысоком уровне владения языком, с другой, ситуация «плохого русского» (языка) чревата для обеих сторон. У представителя принимающего сообщества она усиливает восприятие иностранца как «чужого». У иностранца – понижает мотивацию к более глубокому освоению языка и создает ряд барьеров в процессе адаптации. Подобная ситуация может возникать не только в случае с трудовыми мигрантами из Таджикистана, но и в общении со студентами из этой страны. На занятиях преподаватель и студенты-резиденты, конечно же,

отмечают про себя фонологические и синтаксические ошибки говорящего, но проявляют определенный такт [6. С. 166]. Преподаватель, скорее всего, не станет часто поправлять студента ещё и потому, что это затягивает общение и превращает обсуждение проблемы семинара в обсуждение качества речи.

Но качество владения языком становится очевидным при переходе иностранца от устной речи на письменный язык. Студенты из Таджикистана с большим или меньшим успехом могут устно общаться с преподавателями, но испытывают большие трудности при изложении своих мыслей в письменной форме, при написании эссе, рефератов, курсовых и дипломных работ. То, что преодолевалось в устной речи благодаря «коррекции слушания», в письменном виде выглядит как безграмотность и может вызывать как непонимание, так и раздражение. В работе «Психолингвистика. Теория речевой деятельности» авторы, отталкиваясь от тезиса А. Лурия о том, что «письменная речь не имеет почти никаких внеязыковых, дополнительных средств выражения», говорят, что «по своему строению письменная речь всегда есть речь в отсутствии собеседника. Те средства кодирования мысли в речевом высказывании, которые протекают в устной речи без осознания, являются здесь предметом сознательного действия. Поскольку письменная речь не имеет никаких внеязыковых средств (жесты, мимика, интонация), она должна обладать достаточной грамматической полнотой, и только эта грамматическая полнота позволяет сделать письменное сообщение достаточно понятным» [7].

Кроме этого, «беспокойство по поводу реальной манеры вести беседу усиливается только тогда, когда актер особо заинтересован в том, чтобы преподнести информацию должным образом и быть «правильно» понятым» [6. С. 168]. Для студентов-мигрантов эта ситуация может быть связана с выходом за пределы университетского сообщества: при поиске работы и жилья. При наличии российского гражданства у выпускников никаких формальных препятствий для поиска работы не будет. Квартиру можно снять и не имея гражданства. Но особенность принимающего сообщества такова, что молодой человек может испытать на себе механизмы сепарации, т.е. создания неких социальных барьеров на пути к своей цели. Недостаточно хорошее знание языка может в данной ситуации быть причиной отказа и в работе, и в аренде квартиры. Часть арендодателей отказывают в сдаче квартир выходцам из Средней Азии. Арендодатели из числа местных жителей находятся в данном случае, по терминологии М. Беннета, в позиции «диффамации» (клеветы) [23]. То есть они, осознавая культурную дистанцию с выходцами из Центральной Азии, оценивают их через существующие отрицательные стереотипы, хотя и не имеют никаких конкретных причин для негативной оценки обратившегося к ним человека. Ситуация диффамации может быть преодолена в результате диалога, межличностного взаимодействия. Но для этого необходимы определенные условия. Поиск жилья ведется чаще всего по телефону. И нередко бывает, что арендодатель, слыша речь с заметным азиатским акцентом, под тем или иным предлогом уклоняется от дальнейших переговоров. «...Сегодня позвоните в любое агентство по найму жилья, и тут же они переспрашивают, «русский, нерусский?», если нерусский – всё!, не станут уже разговаривать.конечно, неприятно, но это чувствуется, это порой даже и видно, что есть неприязнь к нерусским...» [20]. Поэтому

хорошее владение языком является весьма важным условием для дальнейшей социализации выходцев из Центральной Азии после окончания университета. Это может изменить позицию арендодателя с «диффамации» на «умаление», т.е. уменьшение негативного отношения к представителю иной культуры. Возможно, именно поэтому молодой человек из Горно-Бадахшанской автономной области, где население традиционно гораздо лучше знает русский язык, легко смог снять в Томске квартиру. А может быть, сказались особенности личности представителя принимающего сообщества. *«Через Интернет нашли организацию, которая... ну, жильё арендует. Они связали его с бабушкой одной, ну вот, он к ней пошел, заселился. И как бы с этой бабушкой у них тоже отношения очень хорошие, он приходит с работы, она там приготовила всё, он там ей помогает по дому, продукты покупает. И как бы живут совместно как... очень тесные отношения, хорошие».* [18]

Проблемы билингвизма в Таджикистане

Отправной точкой освоения русского языка, конечно же, является ситуация в языковой сфере Таджикистана, которая весьма не однозначна. В соответствии с Конституцией Таджикистана русский язык имеет статус языка межнационального общения [21]. Но в 2009 г. там был принят закон «О государственном языке Республики Таджикистан» [12], который пришел на смену закону «О языке» 1989 года [11]. В новом законе нет вышеупомянутого статуса русского языка как языка межнационального общения, хотя в Конституции такое положение сохраняется. В соответствии с законом 2009 г., только на таджикском должны оформляться все документы, на национальный язык перешли учреждения образования и вооруженные силы. Русский исчез с большинства вывесок учреждений, предприятий торговли и сферы обслуживания. Хотя, в отличие от Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана, в Таджикистане, в качестве графической основы алфавита, сохранена кириллица. Русский широко используется в научной сфере, в бизнесе и в СМИ, изучается в школах и высших учебных заведениях страны. Но после массового оттока из страны русскоязычного населения преподавателями русского являются в основном таджики. *«Я была в Национальном университете, – говорит преподаватель-филолог одного из московских университетов (таджичка по национальности), – с деканом факультета русского языка и литературы разговаривала, они говорят – нам не хватает порядка 500 учителей сейчас прямо, срочно не хватает».* [13]. Качество владения русским за минувшую четверть века значительно снизилось по сравнению с ситуацией в советский период. Тогда, по словам респондентки, *«люди же в самом глухом кишлаке русским языком владели, все. Кто лучше, кто хуже, но все. Никто не мог сказать, что я не знаю русского языка... А сейчас многие не знают, просто не знают, это для них иностранный язык, а тогда это не был иностранный язык»* [13].

Освоение русского языка в Таджикистане зависит от множества обстоятельств. Влияние семьи и школы в ситуации билингвизма Таджикистана воплощается в целом ряде разнообразных повседневных практик. Один из респондентов, относительно хорошо владеющий русским языком, объясняет это не только тем, что уже седьмой год живет в Томске, но и определенным соче-

танием школьного обучения и ситуации в семье: «...во всех школах есть русский язык, но не в каждой школе есть учителя, но в моей школе были учителя русского языка, и прям у меня классная учительница ну, русская женщина, они там до сих пор в Таджикистане. Но опыта не было, и я с детства смотрел российские телеканалы... Потому что родители тоже... ну, отец в Одессе заканчивал, и мама там в Ярославле, там техникум закончила. Ну, они...отец смотрит российские телеканалы, новости постоянно, и вот как бы рядом сидел, смотрел. Все слова понимал, просто опыта не было, потом приехал сюда и начал разговаривать, и быстро привык». [16]. Но когда тот же самый студент хотел в Томске сдать ЕГЭ, чтобы уйти со своего факультета и поступить на экономический, подготовительные курсы ничего существенного ему не дали. В дальнейшем освоении языка он уповал на речевое общение с окружающими: «Ну, разговорный такой, разговорный, я думаю, больше из-за того, что вот эта практика, с людьми общаешься, вот я с одноклассниками общался постоянно, вот гуляли, вот это дало опыт, и думаю, что вот это самое, то, что влияет на язык, самый лучший способ учиться, это разговаривать, общаться» [16]. Что касается освоения письменной речи, то «... даже на родном я пишу с ошибками, и здесь тоже с ошибками, тяжело всё равно, потому что у нас не совпадает, исключения есть, в этом, русском языке много. И в нашем языке нету «Б», «Ы», «Ша», с этим тоже проблемы. Ну а так, у нас тоже кирилльский язык» [16]. Известно, что психологи видят определенную связь между навыками устной и письменной речи, которая позволяет человеку расширять и уточнять свой словарный запас, развивает опыт использования богатства языка [25].

Этот трудный забони русй

Не всегда студентам, приехавшим из Таджикистана, удавалось пройти подготовку по русскому языку (забони русй): «А...ну, как я приехала, я говорила, что я затрудняюсь по поводу языковой и я понимаю очень хорошо, но я не могу выражать своего мысля, как я хочу, как я понимаю, потому что мне хватает этого. Ну, мне посоветовали, что есть такой курс русского языка в нашем университете, мне познакомили с преподавателем. Э-э-э...этот преподаватель со мной пообщалась. А...она говорила, что “моя группа состоит из китайцев”... очень более, такой, как называется... “на уровне моего студента, Вы на один ступенька выше”; поэтому Вы зря своего время тратите, с моими студентами ходите, потому что они изучают слова ещё, а Вы очень много слов знаете, но просто Вы на втором ступеньке, а до этого ещё мы не прошли. Так что у меня группа, к которой меня поставили, не соответствовала, поэтому у меня учёбы очень много было, я сама начинала самостоятельно учить». [17].

Говоря об освоении русского языка студентами их Таджикистана, надо учитывать, что уровень владения им в разных частях Таджикистана далеко не одинаков. Есть основания полагать, что лучше всего его знают даже не в Согдийской области на севере Таджикистана, где в советские времена русских было больше всего, так как там развивалась промышленность, а в Горно-Бадахшанской автономной области на самом юге страны, на границе с Афганистаном, где живут «памирцы». Этот этнос отличается от остального насе-

ления страны культурой, языком, религией. Качество владения русским языком было заметно по интервью со студентами из этой части Таджикистана: «...я до пятого класса учился в средней школе, и там я учился на таджикском языке, но, потом я перешел в лицей имени Ага Хана... где обучение на таджикском языке, на русском языке и на английском. Я сначала в таджикскую группу хотел, потому что я до этого в средней школе на таджикском учился, но там свободных мест не было, и я попал в русскую группу. ...Были русские преподаватели ... Я как будто в России учился, у меня и русский язык и англй..., то есть и там математика, физика, всё на русском было, ну и нас учили грамматике тоже, конечно.... Вообще, я как бы могу сказать, что вообще памирцам любой язык даётся легко ... если постараться, то без акцента можем разговаривать... Когда я приехал (в Томск. – Н.П.), нас немного было. Вот и получилось так, что я всегда общался на русском, у меня уже друзья все были как бы... на памирском не разговаривали, даже киргизы там, всякие узбеки, вот с ними тоже на русском. И получилось, что я целый год только на русском, на русском, и... акцент пропал» [18]. О хорошем владении русским языком памирцами, сравнивая их с жителями других областей страны, говорит и представитель диаспоры: «... Вот представители Горного Бадахшана... они русского языка владеют очень хорошо. Окажется, у них школа... именно русская школа, и там обучение проводят токо на русском. Токо на русском, и они... в общении разговаривают, меж собой даже разговаривают, больше на русском». [20]. Конечно же, русский неплохо изучается в школах столицы – Душанбе. «... Ну, а если брать дальние районы ... ну там, мне кажется, для галочек (изучение русского языка. - Н.П.) [20]. И, конечно же, значительно отличаются по владению русским языком жители городов и жители кишлаков. Последние, естественно, русским владеют значительно хуже. Причем, переселяясь в настоящее время в города, заполняя нишу, образовавшуюся после оттока оттуда русскоязычного населения, жители кишлаков меняют языковой континуум и таджикских городов. Даже в Душанбе встречается молодёжь, которая не может объясняться на русском.

Существующая в России система контроля качества подготовки студентов по русскому языку, возможно, оставляет желать лучшего. Студент-старшекурсник одного из технических университетов Томска так характеризует ситуацию: «Да, я в школе учил русский язык ... подготовка у меня вообще очень плохо было, я вот, когда в Томск приехал, мне трудно было... изучил всё, потом, постепенно, всё прошло и... я вот в Томске научился разговаривать, своё мнение спокойно разговаривать на русском языке». В ответ на вопрос о том, ходил ли он на дополнительные занятия по русскому языку, говорит: «Не, не ходили, там, просто у нас **тестирование** прошло, кто нормально **тестирование** проходил, им, сказали, не надо. Мы написали очень... на среднее написали, и нам сказали, не надо. И ми, каждый раз там вот на всяких лабораторных, конференциях участвовали и активно в университете образ жизни проводили, и из-за этого свободнo разговариваем» [15].

Один из руководителей диаспоры, тесно включенный в дискурс по адаптации таджиков в Томске, говорит, что при всём при том, что студенты проходят тестирование по русскому языку, тем не менее «... есть среди них, в принципе, тоже достаточно, что не могут ясно выразить свои мысли...

Особенно после бакалавриата... в магистратуру приехали. ...получается, четыре года они на таджикском обучались... и тут магистратура, первый курс, на русском, и ... вот тут подводит незнание языка.... Об этом когда представители ФМС встречались с ними... тоже пожаловались ... “куда мол смотрят?, почему таких набирают?” ... Не знаю, тут есть, в принципе, ещё, видимо, подход, что смотрят на количество. На количество, и каким-то таким образом они хотят оправдать, допустим, те программы, которые планируется, в общем, исполнить» [20].

По мнению преподавателя-филолога одного из московских университетов, таджички по национальности, трудности овладения русским языком студентами связаны с тем, что «...мы имеем дело с людьми, которые со слуха не учились языку вовремя, они учатся языку уже тогда, когда их артикуляционный аппарат сложился абсолютно... разница как раз в той артикуляционной системе, которая сложилась и которую трудно потом переделать» [13]. В качестве метода освоения языка она называет аудирование – больше вслушиваться в речь местного населения, пытаться копировать произношение. Слуховое восприятие, тренировка речевого аппарата могут постепенно уменьшить акцент. Это может помочь преодолеть и ряд грамматических особенностей второго языка. Например, наличие грамматического рода, которого в таджикском нет. Именно поэтому многие таджики в разговоре путают русские «он» и «она». Помимо аудирования, большую роль в освоении языка может сыграть чтение русской литературы: «Чтение вслух очень помогает не только осваивать лексику, но ещё осваивать и произношение, и строй речи, и строй предложения...» [13]. Кроме этого, подчеркивает респондентка, чтение расширяет культурный, исторический, общегуманитарный кругозор студентов из Таджикистана: «... Мы говорим, они должны там адаптироваться, должны понимать русскую культуру. А как её понимать? К ней надо приобщаться. И приобщение прежде всего происходит через литературу... Потому что художественная литература – это ... код культуры любого народа... Вот этот код они должны усвоить. Мне кажется, без такого кода стать хотя бы немножко русским невозможно» [13].

В настоящее время в ряде университетов ещё не сформировалась окончательно практика обучения студентов-мигрантов русскому языку. Возможно, довлеет представление о том, что они приехали из республик бывшего Советского Союза и потому должны владеть языком, могут легко усовершенствовать имеющийся уровень. В интервью студентам задавался вопрос о том, нужны ли им регулярные занятия по русскому языку в виде обязательного университетского курса или достаточно имеющейся разговорной практики в общении с окружающими? «Ну, разговорной практики не всегда бывает у всех. Я так думаю. Просто многие там парни приходят, чужая культура, чужой язык и всем приходится разговаривать, но меня вот как-то быстро приняли, среди своих приняли и разговаривали нормально. И как бы у меня опыт был. Но я знал, бывает парням, они там смущаются может, мало разговаривает, я думаю, для них надо. Потому что не все, я вот из такого региона, где у нас более хорошо знают русский язык, а есть (регионы, где язык знаю плохо. – Н.П.)» [16].

По мнению респондента из числа профессорско-преподавательского состава, и международный опыт работы с мигрантами, и наша ситуация требу-

ют того, чтобы на обучение мигрантов русскому языку было обращено особое внимание, чтобы этот процесс имел серьёзную организационную и финансовую поддержку. *«А мы почему-то считаем, что мы не должны их обучать. Но почему не должны? Вообще-то я считаю, что должны. Знаете почему? Потому что в этом ... Россия должна быть заинтересована – в расширении пространства русского языка. На это не надо жалеть денег. Потому что это имеет стратегические какие-то результаты. Чем шире распространён язык, тем шире влияние. Я считаю, что ... наша власть должна озаботиться этим»* [13]. По мнению специалиста, на протяжении всей своей профессиональной деятельности включённого в рассматриваемую проблему, *«пространство русского языка всячески нужно расширять. И тем, кто приезжает сюда учиться, работать, надо создавать бесплатные курсы языка. Бесплатные! И они должны широко работать везде, чтобы любой мигрант увидел... идя по улице, увидел – вот там-то школа есть, всё, чтобы ему было это в пределах какой-то доступности. Да, это не очень дёшево, да, это за счёт ... налогоплательщиков – я тоже налогоплательщик ... но я понимаю, что это необходимо нам – России – мы хотим быть державой номер один.... А держава должна идти на какие-то расходы»* [13].

Личность, социум, институты

Рассматривая проблему адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве Томска, можно выделить группы личностных, социальных и институциональных факторов, которые, с одной стороны, способствуют освоению русского языка, с другой – затрудняют этот процесс.

Факторы, способствующие освоению русского языка студентами из Таджикистана

Личностные факторы	Социальные факторы	Институциональные факторы
Высокий уровень мотивации к переезду в Россию, к обучению в российском университете	Уровень подготовки по русскому языку в Таджикистане, который позволил пройти конкурсный отбор	Уровень межгосударственного сотрудничества, облегчающий обучение студентов из Таджикистана в российских университетах
Целеустремлённость	Студенческая среда, которая на уровне повседневных практик способствует освоению разговорного языка	Наличие в университетах структур, которые могут бесплатно предоставлять дополнительные услуги по обучению русскому языку
Высокая работоспособность	Наличие контактов с представителями принимающего социума за пределами университетского сообщества	
Хорошие способности к освоению языков, обусловленные билингвизмом локуса таджикской культуры, в котором студент рос	Планы остаться в России после окончания университета, найти здесь работу, русскоязычный брачный партнёр	

Факторы, затрудняющие процесс обретения хорошего уровня владения русским языком студентами из Таджикистана

Личностные факторы	Социальные факторы	Институциональные факторы
Низкий уровень способностей в языковой сфере	Низкое качество подготовки по русскому языку в Таджикистане	Коррупция в Таджикистане при отборе кандидатов для обучения в России, позволяющая обойти контроль уровня знания русского языка
Лень, низкий уровень самоорганизации	Стремление поселиться в общежитии в одной комнате со своими соотечественниками	Понижение принимающей стороной стандартов существующих тестов РКИ (русского как иностранного)
	Отсутствие контактов с представителями принимающего социума за пределами университетского сообщества	Отсутствие в учебной программе студентов из Таджикистана обязательных занятий по русскому языку
	Планы создать моноэтническую семью	Взимание в университетах платы за дополнительное обучение русскому языку
	Намерение вернуться после окончания учебы в Таджикистан	

Грани дискурса: профессиональное решение проблем и имитация

Проблема русского для мигрантов объективируется через возникновение вокруг неё определенного дискурса, в котором участвуют представители и мигрантов, и принимающего сообщества. С одной стороны, это могут быть укоренённые представители таджикской диаспоры, с другой – представители тех или иных университетских и властных структур. Целями дискурса могут быть и реальное решение проблемы и некая имитация. Для реального решения проблем нужны соответствующие ресурсы: мотивационный, организационный, кадровый, финансовый, временной. Кто-то должен разработать реальный механизм обучения русскому языку, найти варианты финансирования курсов, набрать соответствующий педагогический состав, найти способы мотивировать мигрантов тратить время на изучение языка. Вариант имитации не предполагает всех этих действий и выполняет иную функцию. Создавая видимость процесса, он позволяет одним (представителям диаспоры) подчеркивать свою лояльность к требованиям принимающего сообщества, другим (представителям университетских и властных структур) подтверждать своё профессиональное функционирование. Возникает иллюзия, что все заняты решением проблемы, которая снижает уровень рисков возможных социальных конфликтов.

Так, один из представителей диаспоры говорит, что создал курсы для обучения трудовых мигрантов: *«Они бесплатно (учатся. – Н.П.), они даже стипендию берут. Ми им первый, второй поток дали по 100 рублей стипендии. Лишь бы они пришли учились»* [19]. Другой представитель диаспоры го-

ворит по поводу этих курсов, что «... обучение ничё не даст этим мигрантам ...сертификат тоже не даст, сертификат, допустим, принесят, покажут, что вот они проходили... Что ты проходил, замечательно, всё, вот садись, выполняй этот тест, тест не выполнил, всё, уже грош цена... этому сертификату» [20].

Имитация в данном случае рассматривается как комплиментарная реакция на общественную потребность без реальных механизмов и ресурсов её решения. Ситуация может рассматриваться и через понятие «симулякра» как проявления социальной имитации. [10, 28]. Впрочем, возможно, что данная ситуация, зафиксированная на протяжении 2013/14 учебного года, характеризует лишь начальный этап взаимодействия России и Таджикистана в сфере подготовки специалистов с высшим образованием и в дальнейшем ситуация изменится с учетом практик Германии, Китая, наработки своего собственного опыта. В настоящее время в университетах Томска идет становление институциональных условий для изучения студентами из Таджикистана русского языка. При этом используется дефиниция «русского как неродного» в отличие от «русского как иностранного». В нашем контексте неродным, но не иностранным русский язык является для коренных жителей бывших среднеазиатских республик Советского Союза. Пока, говорят специалисты, «на филологическом факультете нет такой традиции серьезной, устоявшейся в обучении граждан из Средней Азии... Из других факультетов к нам приходят периодически, очень редко, фрагментарно – это один-два студента, которые вливаются в какую-то группу или в группу начального уровня обучения языку, то есть то, что мы называем подфаком или довузовской подготовкой. Или, в зависимости от того, на какой ступени владения русским языком они находятся, мы их размещаем, если так можно сказать, в другую группу... где они с другими студентами из других стран получают вот такую, необходимую им языковую подготовку. К сожалению, централизованно такая работа в университете не поставлена» [14]. В то же время на протяжении пятнадцати лет идет подготовка преподавателей русского как иностранного: «... Мы с двухтысячного года осуществляем специализацию на филологическом факультете для студентов-филологов, специализация, которая называется «Русский язык как иностранный», по существу методика обучения русскому языку как иностранному... Это дополнительная была платная услуга, но сейчас ... она уже осуществляется бесплатно» [14].

Забони русй – забони дуҷуми модарӣ. Русский язык – второй родной язык

Таким образом, проблема освоения русского языка студентами из Таджикистана, лежащая в основе их адаптации в принимающем социуме, сегодня объективирована и нарастающим количеством студентов данной категории в университетах Томска, и проблемой качества их обучения, и перспективами их социализации после окончания университета. Решение этой проблемы возможно, во-первых, при продуктивном взаимодействии представителей двух стран, создании условий для хорошего уровня обучения русскому языку в Таджикистане. Каков бы ни был уровень владения русским языком теми или иными представителями этой страны, билингвизм всё ещё остаётся ча-

стью её современной культуры. Дальнейшее его состояние станет производной от целого ряда факторов: общеполитического взаимодействия двух стран, законодательства Таджикистана в языковой сфере, наличия устойчивых и эффективных механизмов взаимодействия образовательной системы Таджикистана с образовательной системой России, реализации билингвизма в повседневных практиках жителей Таджикистана, кадрового состава преподавателей русского языка в Таджикистане. Во-вторых, качество обучения русскому языку в томских университетах может быть повышено за счет создания подготовительных отделений, на которых студенты в течение года в обязательном порядке по десять – двенадцать часов в неделю будут уделять изучению русского языка и русской литературы. При этом отчасти может быть использован опыт обучения языку принимающего сообщества, имеющийся в Германии, Китае и других странах. В этом случае хороший уровень владения русским языком станет не только результатом социализации студентов из Таджикистана на протяжении четырёх – шести лет их учебы в университетах Томска, но и надежной основой их дальнейшей адаптации к культурной среде принимающего сообщества, использования их потенциала в различных сферах народного хозяйства двух стран и в межгосударственных проектах.

Литература и источники

1. *Bennett M. J.* A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10.
2. *Thompson John B.* Ideology and modern culture: Critical social theory in the era of mass communication. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990.
3. *Weaver G.R.* Understanding and Coping with Cross-Cultural Adjustment Stress // Education for the Intercultural Experience / ed. by R.M. Paige. U.S.A.: Intercultural Press, 1993. P. 137–167.
4. *Бородай С. Ю.* Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.
5. *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира–Уорфа. Ереван, 1968.
6. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005.
7. *Глухов В., Ковшиков В.* Психоллингвистика. Теория речевой деятельности. М., 2007. URL: http://www.libok.net/writer/14647/kniga/100145/kovshikov_v_a/psiholingvistika_teoriya_rechevoy_deyatelnosti/read/34 (Дата обращения: 1.10.2014).
8. *Грушевицкая Т.Г., Попов В.Л., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: Юнити-Дана, 2002.
9. *Дмитриев Г.Д.* Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999.
10. *Закирова Т.В.* Феномен симулякра как проявление социальной имитации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7 (168).
11. *Закон Республики Таджикистан «О языке»* от 22 июля 1989 года № 150. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905 (Дата обращения: 10.10.2014).
12. *Закон Республики Таджикистан «О Государственном языке Республики Таджикистан»* от 5 октября 2009 года №553. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442 (Дата обращения: 10.10.2014).
13. Интервью ППСТ-2 – Архив автора
14. Интервью ППСР-4 – Архив автора
15. Интервью СТТ-2 – Архив автора
16. Интервью СТТ-3 – Архив автора
17. Интервью СТТ-5 – Архив автора
18. Интервью СТТ-9 – Архив автора
19. Интервью ТДТ-4 – Архив автора
20. Интервью ТДТ-6 – Архив автора
21. *Конституция Республики Таджикистан.* URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (Дата обращения: 10.10.2014).

22. Кронгауз М.А. Семантика. М.: ИЦ «Академия», 2005.
23. Модель освоения чужой культуры М. Беннетта // Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. М. 2010. URL: <http://www.irbis.vogu.ru/repos/11430/HTML/18.htm> (Дата обращения: 15.10.2014).
24. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование (Концепция развития индивидуальности в диалоге культур). Липецк, 1998.
25. Словарь. Электронный источник: URL: http://psihotesti.ru/gloss/tag/pismennaya_rech/ (Дата обращения: 1.12.2014).
26. Тишков В.А. Толерантность и согласие // Материалы Международной конференции «Толерантность, взаимопонимание и согласие». Якутск, июнь 1997. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.
27. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm> (Дата обращения: 1.10.2014).
28. Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2012.

Используемые аббревиатуры

ППСТ – представитель профессорско-преподавательского состава (таджик).
 ППСП – представитель профессорско-преподавательского состава (русский).
 СТТ – студент-таджик из Таджикистана.
 ТДТ – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Томске.

Pogodaev Nikolay P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru DOI 10.17223/1998863X/29/10

COMPETENCE IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS A CONDITION OF ADAPTATION OF STUDENTS FROM TAJIKISTAN AT THE UNIVERSITIES OF TOMSK

Keywords: students, Russian language, educational migration, Tajikistan, Tomsk universities, Tajik diaspora, receiving community, imitation.

Competence in the Russian language is one of the main conditions of adaptation of students from Tajikistan studying at the universities of Tomsk. In the twenty-five years since the breakup of the Soviet Union, there have been significant changes in the country's language policy that have affected the state of bilingualism in independent Tajikistan. The article analyses the current level of competence in the Russian language of students from Tajikistan who study in Tomsk (Russia) using detailed individual interviews with Tajik students, representatives of the Tajik diaspora in Tomsk, and teachers at Tomsk and Moscow universities. Attention is given to the individual, social, and institutional conditions that contribute to successful or impeded Russian language acquisition. The interview materials preserve the lexical and grammatical features of the speech of the respondents and the features of their Russian pronunciation. Competence in the language is considered in the context of the ability of an individual to decode the cultural codes of the receiving community. It is suggested that both a desire to solve the problem and a certain imitation are the objectives of discourse about Russian language acquisition by educational immigrants from near-abroad countries. The paper focuses on the methods of the sending and receiving communities for successful Russian language acquisition by students from Tajikistan as a condition of their successful adaptation to the culture of the receiving community, and the potential use of these methods in various spheres of the national economy of both countries and in international projects. The work of E. Giddens, M. Bennett, and J. Weaver are used as the methodological approach to the research.

References

1. Bennett M. J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*, 1986, vol. 10.
2. Thompson J.B. *Ideology and modern culture: Critical social theory in the era of mass communication*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990.

3. Weaver G.R. *Understanding and Coping with Cross-Cultural Adjustment Stress*. In: Paige R.M. (ed.) *Education for the Intercultural Experience*. U.S.A.: Intercultural Press, 1993, pp. 137–167.
4. Boroday S.Yu. Sovremennoe ponimanie problemy lingvisticheskoy otositel'nosti: raboty po prostanstvennoy kontseptualizatsii [Modern understanding of linguistic relativity: the work on spatial conceptualization]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2013, no. 4, pp. 17–54.
5. Brutyan G.A. *Gipoteza Sepira–Uorfa* [The Sapir-Whorf hypothesis]. Erevan: Lujs Publ., 1968. 65 p.
6. Giddens E. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii struktural'stii* [The ordered society. The outline of the theory of structuration]. Translated from English by I. Tyurina. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2005. 528 p.
7. Glukhov V., Kovshikov V. *Psikholingvistika. Teoriya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistics. The theory of speech activity]. Moscow, 2007. Available from: http://www.libok.net/writer/14647/kniga/100145/kovshikov_v_a/psiholingvistika_teoriya_rechevoy_deyatelnosti/read/34. (Accessed: 1st October 2014).
8. Grushevitskaya T.G., Popov V.L., Sadokhin A.P. *Osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [The Basics of Intercultural Communication]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2002. 352 p.
9. Dmitriev G.D. *Mnogokul'turnoe obrazovanie* [Multicultural education]. Moscow: Narodnoe obrazovanie Publ., 1999.
10. Zakirova T.V. Simulacrum phenomenon as reflection of social imitation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*, 2014, no. 7 (168). (In Russian).
11. *Zakon Respubliki Tadzhikistan “O yazyke” ot 22 iyulya 1989 goda № 150* [Law № 150 of the Republic of Tajikistan “On Language” of July 22, 1989]. Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905. (Accessed: 10th October 2014).
12. *Zakon Respubliki Tadzhikistan “O Gosudarstvennom yazyke Respubliki Tadzhikistan” ot 5 oktyabrya 2009 goda №553* [Law №553 of the Republic of Tajikistan “On the State language of the Republic of Tajikistan” of October 5, 2009]. Available from: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442. (Accessed: 10th October 2014).
13. *Interv'yu PPST-2* [Interview with a representative of the higher education teaching personnel, Tajic by nationality-2].
14. *Interv'yu PPSR-4* [Interview with a representative of the higher education teaching personnel, Russian by nationality-4].
15. *Interv'yu STT-2* [Interview with a Tajic student from Tajikistan-2, further referred to as STT].
16. *Interv'yu STT-3* [Interview with STT-3].
17. *Interv'yu STT-5* [Interview with STT-5].
18. *Interv'yu STT-9* [Interview with STT-9].
19. *Interv'yu TDT-4* [Interview with a leader or an active member of the Tajik diaspora in Tomsk-4].
20. *Interv'yu TDT-6* [Interview with a leader or an active member of the Tajik diaspora in Tomsk-6].
21. *Konstitutsiya Respubliki Tadzhikistan* [The Constitution of the Republic of Tajikistan]. Available from: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112>. (Accessed: 10th October 2014).
22. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow: Akademiya Publ., 2005.
23. *Model' osvoeniya chuzhoy kul'tury M. Bennetta* [The model of development of foreign culture by M. Bennetta]. In: Sadokhin A.P. *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to Intercultural Communication]. Moscow, 2010. Available from: <http://www.irbis.vegu.ru/repos/11430/HTML/18.htm>. (Accessed: 15th October 2014).
24. Passov E.I. *Kommunikativnoe inoyazychnoe obrazovanie (Kontseptsiya razvitiya individual'nosti v dialoge kul'tur)* [Communicative foreign language education (the concept of development of individuality in the dialogue of cultures)]. Lipetsk, 1998.
25. *Slovar'* [Dictionary]. Available from: http://psihotesti.ru/gloss/tag/pismennaya_rech/. (Accessed: 1th December 2014).
26. Tishkov V.A. [Tolerance and harmony]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “Tolerantnost', vzaimoponimanie i soglasie”* [Proc. of the International Conference “Tolerance, mutual understanding and agreement”]. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology Publ., 1997.
27. Whorf B.L. *Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku* [The standards of behavior and thinking as related to the language]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1960, iss. 1. Available from: <http://www.philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm>. (Accessed: 1th December 2014).
28. Shalyugina T.A. *Imitatsiya v sovremennom rossiyskom obshchestve: sushchnost', sub"ekty vozdeystviya, sotsial'noe prostranstvo proyavleniya*: avtoref. dis. d-ra filos. nauk [Imitation in the modern Russian society: the nature, subjects of influence, social space of manifestation. Abstract of Philosophy Doc. Diss.]. Rostov on Don, 2012.